

## ● Слово настоятеля



*Хочется всех нас поздравить с Великим постом — удивительного, живого периода в жизни Православной Церкви в целом и каждого христианина в частности. Это время отцы Церкви называют весной души. Всем желаю добрых успехов на этом поприще, чтобы каждый выполнил поставленные духовные задачи, и в крепком душевном и телесном здоровье мы достигли Светлого Христова Воскресения.*  
С любовью к Богу,  
Протоиерей Алексей Никонов

## Литургия — наше общее дело

Как Пасха — это вершина всего года, центр года, ни с чем не сравнимый праздник, так воскресная Литургия — еженедельная малая Пасха является началом и вершиной недельного круга православного церковного богослужения. Храм — это место, назначенное Самим Богом для нашей встречи с Ним, а Божественная литургия — время, когда Господь освящает нас. Этот день, день совершения Евхаристии, вновь говорит нам о победе Господа в великий день Его Воскресения.



христиане, этот дар Божий, стараетесь ли жить достойно христианского звания, в чистоте и святости и во всякой добродетели? Причащение святых Таин в каждую литургию нас делает здоровыми, мирными, обновленными. Сколько сокрыто величайших дарований в литургии! Благодарим Господа, оживляющего нас Своими чудными тайнами. Христиане православные, боготворите литургию, боготворящую нас по милости Божией. Священники и миряне, обновляйтесь ею всякий день. Слава щедротам Бога Отца, и Сына, и Святого Духа!».

Литургия — это общее служение священника и всех собравшихся в храм на Евхаристию. Мы вместе молимся и поем «Отче наш...», «Верую...», и это является нашим общим молитвенным участием. Вошло в обычай всем приходом петь «Тело Христово примите...», молитву, которая наполняет храм настоящим торжеством причастия.

У св. Иоанна Кронштадтского есть такие слова: «В даровании Божественной литургии Церкви православной и в даровании ей Пречистых Таинств дано Богом так много, что никакой ум человеческий не может оценить великость этих даров: дара возрождения, усыновления, обновления, права на вечную жизнь, входа на небо, сожития с ангелами и всеми святыми и вечного примирения с Отцом Небесным и участия в Его святости и блаженстве. Цените ли вы, православные

вне Церкви (понимаемой как народа Божьего и Тела Христова) нет спасения, вне общения со Христом, вне этой полноты жизни не может быть никакого спасения. Христос Себя подает, лично подает каждому из нас, и для нашего личного освящения и спасения, и для того, чтобы мы друг другу соединились во единого Духа Святаго Причастия, чтобы мы были едиными вокруг Христа.

Мы часто говорим о том, что причащение Святых Христовых Таин — не просто необходимо для спасения каждого человека, но это то, что делает христианина христианином. Очень часто причащение Святых Христовых Таин мыслится нами как дело нашего личного освящения, нашего личного благочестия. Несомненно, это так и есть. Когда человек готовится к принятию Святых Христовых Таин, когда он готовится ко встрече со Христом, это дело его личной встречи,



личного приобщения ко Христу, личного подвига и глубокой ответственности за то, что он совершает, когда со страхом Божиим и верой приходит к Святой Чаше. Но кроме того причащение Святых Христовых Таин делает нас едиными друг с другом, делает нас Церковью, единым Телом Христовым. Об этом молится священник вместе со всеми людьми во время анафоры на Литургии Василия Великого после освящения Святых Даров: «Нас же всех, от единого хлеба и чаши сия причащающихся, соедини друг ко другу, во единого Духа Святаго причастие». Вот такие слова священник говорит от имени всех собравшихся в храме, которые не могут быть просто зрителями того, что происходит во время Богослужения. Литургия слушается не от имени священника, а от имени каждого, пришедшего в церковь. От имени каждого молящегося священник просит, чтобы Дух Святой сошёл на нас и на Святые Дары, предлагаемые на Евхаристии. Это значит, что когда мы собираемся на Литургию, это не только наше частное дело, и даже не столько наше частное дело, как дело всей нашей церковной жизни.

## ✍ От редактора

Мы живем сейчас в очень сложное время, когда оказалось, что представления о Церкви у церковных людей, понимание Евангелия, понимание своей роли в Церкви, понимание значения Церкви в обществе и так далее — очень разные. И они иногда становятся даже таким моментом разделения внутри церковной ограды, среди прихожан в рамках дискуссий, которые сейчас ведутся в Церкви. Звучат разные и часто очень непохожие друг на друга голоса. Вы знаете, что не все благополучно в нашей церковной жизни. Церковь — живой организм, и было бы странно, если бы отдельные его члены время от времени не болели, тем более в условиях столь стремительных изменений, которые мы в последние годы переживаем. Газета не останется в стороне от насущных вопросов церковной жизни, приходской жизни, проявляя мудрую взвешенность, духовную трезвость при их освещении.

Поскольку служение Церкви протекает сейчас в условиях существенного расцерковления общества, далеко отошедшего от своих духовных основ и, так сказать, не помнящего своего родства, мы полагаем не последней целью газеты миссионерские задачи. Газета даст прихожанам возможность ощущать живость приходской жизни, находясь и за пределами храма. Когда они приносят газету в свои дома или на место работы — это один из путей современного миссионерства.

Благая весть Господа Иисуса Христа обращена к каждому человеку, но каждое поколение людей воспринимает ее по-своему, поскольку находится в новой исторической ситуации. И главное, по нашему мнению, что может заинтересовать читателя, это то, как вечные истины Христианства преломляются в сознании его современника. Поэтому считаем, что важное место в нашей газете будут занимать выступления современных священнослужителей (в том числе клириков нашего храма), верующих ученых и деятелей культуры, православных публицистов.

Мы не можем понимать наших служб, если не знаем Священного Писания. Библия — ключ к пониманию богослужения, точно также как и богослужение — живое толкование Библии. Все это указывает на то, что публикации на тему тесной связи Священного Писания с богослужением должны стать основной темой. И о жизни Христа на газетных полосах будет рассказываться в связи с богослужением. Особое внимание будет обращено на Таинства, и прежде всего на Божественную Литургию и Таинство Крещения.

В нашем приходе много людей, у которых их вера раскрывается в жизни, становясь живой и деятельной, о них пойдет разговор в рубрике «Живая вера». Не останется без внимания всегда актуальная и сложная тема — как говорить о церковном вероучении с подростками. С большим интересом думаем, будут читаться материалы под рубрикой «Почему я стал православным». Этот вопрос побуждает людей размышлять и говорить о самом сокровенном, ведь каждый человек приходит ко Христу своим, очень личным путем. «Кто есть православный христианин?». Думаем, бесполезен будет разговор и об этом. На страницах газеты будут обсуждаться, актуальны вопросы приходской жизни (воскресная школа, социальные проекты).

Первый номер нашей газеты посвящается Великому посту, Светлому Христову Воскресению и Таинству Причащения.

## ● В номере:

**Слово настоятеля. Литургия — наше общее дело.** Протоиерей Алексей Никонов — об общем служении священника и всех собравшихся в храм на Литургию.

**Христианское восприятие поста.** Разговор с клириком нашего храма иереем Владимиром Груздевым.

**«Пути Господни неисповедимы»** — о промысле Божиим в судьбе священника нашего храма протоиерея Владимира Александрова.

**«Записки о литургии и Церкви»** — живое, глубокое и искреннее слово о Церкви Христовой, о вере и любви Сергея Иосифовича Фуделя — христианского мыслителя и подлинного проповедника наших дней, мирянина, так и не ставшего священником, но всю свою жизнь отдавшего служению Церкви.

# Пути Господни неисповедимы

О промысле Божиим в судьбе священника нашего храма протоиерея Владимира Александрова

*«Из хода дел разумевайте волю Божию» (преп. Варсонофий Великий).*

Священником отец Владимир Александров стал совершенно неожиданно для себя — по явному призванию Божию.

Бывший военный, в прошлом атеист. Окончил Московскую военную академию им. Жуковского. После 30 лет военной службы получает звание подполковника и... увольняется в запас. После отставки без дела не остался, работал в службе безопасности банка. И жизнь ему очень нравилась — свободная, спокойная, счастливая. Дети, считай, взрослые, сыну 23, дочь на два года младше — того и гляди, разлетятся по своим гнездам. И вдруг — беда. Смерть сына. За что? Что это? Рок? Судьба?

Жена Галина твердила ему неустанно: «Что бы тебе сходить в Богородице-Рождественский храм, что в Анискино, к отцу Сергию?». Она не раз беседовала с батюшкой по вопросам, которые мучили ее мужа, и он многое разъяснил ей. Горячо молилась Галина о приходе мужа в храм. В один из выходных Владимир уступил просьбам супруги.

Окинув с солие прихожан пронизательным взглядом, отец Сергей Казаков обратил внимание на Владимира, стоявшего недалеко от алтаря, и, сделав жест рукой, проговорил, обращаясь к нему: «Идите сюда». Смущенный Владимир подошел к священнику: «Заходи в алтарь. Благодарю помогать мне».

Владимир рассказал батюшке все, что ему пришлось пережить со смертью сына, а также о своих бесплодных поисках ответов на не дававшие ему покоя вопросы. Выслушав его исповедь, отец Сергей сказал: «Ты должен стать священником, посвятить себя Богу. Я дам тебе адресок, поезжай в монастырь к старцу, он тебе скажет то же самое».

По благословению отца Сергия в Пафнутьев-Боровском монастыре Владимир встретился с схииеромандритом Власием (старец и по сей день является духовником отца Владимира).

Не успев представиться, услышал, к своему изумлению: «Сейчас, Владимир, я буду на твои двенадцать вопросов отвечать». (Собираясь к старцу, Владимир заготовил двенадцать вопросов, о которых не мог знать старец). Не чудо ли это Божие? Другого ответа на этот вопрос не находится. Мудрый батюшка, несомненно, имел указание свыше на то чтобы Владимир стал священником.

Заканчивая беседу, старец сказал: «Тебя уже благословили рукополагаться в священники. Но я знаю твою натуру, тебе нужно, чтобы в третий раз сказали. Через неделю ты поедешь в Иерусалим, и тебе это скажут в третий раз, вот тогда ты пой-

мешь, что тебе надо стать священником».

Через неделю он действительно попал в Иерусалим. Отклоняясь от стандартного маршрута, паломники попали в русский женский монастырь под Иерусалимом. Там присутствовала на службе пожилая старица. К Владимиру — только к нему из группы — неожиданно подошла монахиня и сказала: «Возьмите благословение у матушки». Удивленный, Владимир подошел к старице и услышал: «Иди и спасай свою душу и души других».

Когда Владимир принял священство, это вызвало бурю непонимания со стороны дру-

Восстановить храм, в такие короткие сроки, с таким размахом, не чудо ли?

Батюшка рассказал такой случай. Необходимо было срочно расплатиться за работу по укладке полов, а денег не было, и негде взять. У кого просить? Конечно, у Преподобного: батюшка Сергей, помоги! И вот заходит в храм человек, — ни раньше, ни потом, отец Владимир его не видел, — поздоровался, спрашивает: «Какие проблемы». Рассказывают. Он достает деньги, — точь в точь в сумме которой не хватало, — со словами: «Я сегодня премию получил, возьмите».

Отец Владимир поначалу все

кров. С замиранием сердца стал присматриваться отец Владимир ко всем храмам Казанским — не там ли его место.

А между тем реставрируются Гребневские храмы. Благоустраивается территория, детишки спешат в воскресную школу, создается богатая библиотека, а по праздникам поются акафисты на распев. Жить бы да радоваться, но без скорбей не бывает.

Дочь батюшки в ночь на Пасху попадает в автомобильную катастрофу, ломает ногу. Умирает мама, у самого батюшки находят сердечную болезнь. Да и силы уже не те. Батюшку освобождают от настоятельства, переводят

жизненном пути, тоже есть действие Промысла Божия и ведут его ко спасению».

Эти слова можно целиком отнести к отцу Владимиру. Он сумел распознать волю Божию о себе и быть ей послушным. Его жизнь удивительным образом направлена Богом к тому, чтобы на путях веры открылись пытливого уму тайны мира, тайны вхождения в Вечную жизнь. И были найдены ответы на значительную часть мучивших его прежде вопросов.

— Только вера, — говорит отец Владимир — давая на земле человеку ведение, облегчает ему понимание многого, что с ним и близкими его происходило и происходит в жизни. Я вспоминаю события своей жизни, вспоминаю свои мысли, чувства, свои давно прошедшие ощущения, и все это представляется мне в совершенно новом свете, позволяет и в трагической ситуации с сыном усмотреть волю Божию. С одной стороны, смерть детей при жизни родителей чудовищна, такой смерти не должно бы быть. Однако в смерти наших близких есть и другая сторона: как ни горестны и тесны ее врата, это порой единственные врата, чтобы стать причастниками Божественной жизни. Смерть сына, умершего в полном расцвете всех сил души, ума, страшная утрата для нас с женою, но он ушел от нас, к Богу, Который призвал его к Себе, чтобы он был с Богом неразлучно. И если не хочу разлуки с сыном, то я должен быть там, где его душа, в мире Духа Божия. Я знаю, что есть дверь в духовный мир Духа Божия — это общение в молитве любви с умершими близкими. Бог не может противиться любви, будучи Сам Любовью и нам через нее приоткрывается дверь в тот мир, где живет «Бог живых» (Мф.22,23) — не мертвых, но живых и тоже любящих. Добавлю и еще вот что. Наши умершие всегда просят, чтобы мы к ним устремляли свой ум, свои молитвы. Наши умершие живы и всегда следят за тем, поминаем мы их или нет.

Отец Владимир не уходит от острых вопросов, встающих сегодня перед христианином. Он ищет ответы на эти вопросы, прежде всего для самого себя, и может предложить найденное другим. На мой вопрос: «Чем можно измерить нашу любовь к Богу?». Батюшка ответил:

— Наша любовь к Богу, в первую очередь измеряется нашей готовностью принять посылаемые нам страдания и несчастья и видеть в них руку Божию. Поддержкой нам может быть то, что страдания эти есть также мера любви Божией к нам. И всегда с благодарностью говорить «Слава Богу за все».

*Владимир Муравьев*



зей. Многим показалось странным, как это человек с мирским устроением оказался человеком с настоящим религиозным чувством, став священником. «Мы тебя не понимаем. Не надо нам этих сказок», — говорили они, — выслушав его рассказ о троекратном призыве Бога к служению Ему.

Первый храм, в который отец Владимир был назначен настоятелем, — храм Сергея Радонежского в Трубино, — лежал в руинах. Заколоченные двери и окна, света нет. На изуродованной главке храма шпиль без креста.

С приходом отца Владимира храм начал преобразоваться. Как кстати пригодился тут приобретенный им опыт хозяйственно-восстановительных работ в храме Анискино, где он прослужил и проработал четыре года!

Первым делом возобновили службы, провели газ и наладили отопление, подключили электричество, восстановили кровлю. На колокольне были установлены колокола и главка с золоченым крестом. Сегодня над селом разносится малиновый перезвон семи колоколов.

Преобразился храм не только снаружи. Вместо выщербленного красного кирпича — белые оштукатуренные стены, под ногами — мраморный пол.

эти чудесные неслучайные «случайности» записывал в дневник. Потом перестал записывать, ведь каждый день чудесным образом обозначал себя.

Вместе с восстановлением храма создавался приход, скорее не приход, а большая дружная семья, соединенная молитвой, любовью и заботой друг о друге, о храме. В последний год его пребывания по воскресным дням в храме Сергия Радонежского причащались до сотни человек — всех их отец Владимир знал по именам, был знаком с их жизненными обстоятельствами, душевным состоянием.

Дальнейшее священничество отца Владимира приходится на Гребневский храм, куда его перевели, по соображениям церковной жизни, храму был нужен толковый батюшка, умеющий управлять работающими в храме и сложным хозяйственным механизмом.

Отец Владимир к своему переводу отнесся болезненно. Едет к Власию за утешением — до слез было трудно расставаться с полюбившимся ему храмом. Старец ничуть не удивился его приезду и сказал, чтобы он отнесся к этому по христиански, с должным терпением. А там гляди, годика через три Божия Матерь возьмет его под свой По-

в Покровский храм с. Хомутова.

Вот здесь и встретила его Казанская икона Божией матери, в ее честь освящен правый придел храма. Так сбылось предсказание старца. Взяла его Божия Матерь под свой Покров. Каждое воскресенье служит он у Казанской иконы Пресвятой Богородицы молебен с акафистом, здесь и исповедует.

Не раз в своих проповедях по окончании субботней литургии он говорил: «Надо строить жизнь по известному мудрому принципу: делай что должно, и будь что будет. Надо делать, что должно перед Богом, а результат — предавать на волю Божию. Бог знает, что нам нужно, что нам полезнее. Очень часто человек, придя в Церковь ждет, что что-то с ним произойдет благодаря некому воздействию извне. Когда человек приходит в Церковь, он должен приучить себя, прежде всего, слушаться Бога. Он должен учиться всю жизнь распознавать волю Божию о себе и быть ей послушным. Принимать со смирением все то, что посылает Господь в жизни, глубоко веря, что Бог Сам знает, что нужно для нашего спасения; что не только доброе, хорошее, но и все испытания, искушения, скорби, которые встречаются человеку на его



## Христианское восприятие поста

Беседуем с клириком Храма Покрова Пресвятой Богородицы иереем Владимиром Груздевым.

— Эпиграфом к нашей беседе я хотел бы предложить стихотворение Сергея Бехтеева «Великопостное», где пост определяется покаянием, плачем в сознании своей далекости от Бога Возлюбленного:

*Господи и Владыко живота моего!*

*Ты нас учишь любить врагов,  
Не мстить, не гнать за зло злодеев,*

*Прощать корыстных должников*

*И опасаться фарисеев.*

*Ты завещал закон блюсти,  
Не забывать в скорбях о Боге  
И крест безропотно нести  
По дебрям жизненной*

*дороги...*

*Но, Боже, Боже, как для нас  
Твои слова невыполнимы,  
Как каждый день и каждый час*

*Мы духом злобы одержимы.  
И, прелесть мира возлюбив,  
Творя распутство до могилы,  
Как далеки мы от Тебя,  
Как близки к князю темной*

*силы.*

— Великий пост — особое время очищения, покаяния. Покаяния в преддверии Христова Воскресения. Желание быть причастным к торжеству всей вселенной вынуждает навести очень серьезную ревизию в своей собственной жизни. Смысл Великого поста в том, чтобы осознать перед лицом Божиим свою удаленность от Него, свою захваченность грехами. Великий пост — это такой период в жизни человека, когда ему дается еще один шанс стать другим. В этой счастливой возможности измениться и начать жить иной, согласной с Господом жизнью, и заключен главный смысл поста. Вот как св. Церковь воспеваает на первой неделе Великопостного поста: «истинный пост есть злых отчуждение, воздержания языка, ярости отложения, похотей отлучения, оглаоления, лжи и клятвоступления. Сих оскудение пост истинный есть и благоприятный». Вот без чего никак не состоится истинный Великий пост! Центр в Великом посте — наши усилия по расторжению греховного ярма страстей и соблазнов, освобождению от оков неправды, в покаянном изменении на пути

к духовному преобразению. А все необходимые средства и «инструменты» для этого предоставляет нам Святая Церковь.

Какие же?

— Опыт показывает, что Господь помогает, особенно если пост совмещается с молитвой, с посещением служб, покаянием, причащением. Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: «Когда я не причащаюсь, я умираю». Также и мы, когда чувствуем, что своих сил не хватает, можем почаще ходить в Церковь, молиться и причащаться. В этом — мудрость Великого поста, в этом важный для нас его урок: он учит нас нашей немощи, показывает нам особенно ясно, что без Бога мы не можем ничего.

— А как же вкушение постной пищи, тех же телесных подвигов, без которых не мыслится Великий пост, что Вы скажите на этот счет?

— Нельзя Великий пост сузить до суетных забот о пригодной постной пище. Как живет человек часто в мире ради самой этой своей жизни, жить, как живется, а если можно, то и получше жить (не понимая, что жизнь эта его не есть цель, но лишь путь к цели), так и пост обычно переживается человеком вне его цели, а лишь как нечто в себе самом имеющее смысл, как исполнение известного обряда. Оттого встречались и теперь часто встречаются среди христиан такие постящиеся, которые сочтут великим грехом для себя вкусить в посту даже молочное (не говоря уже о мясе), но остаются в своем бесчеловечном и жестокосердном окаменении сердца в отношении к своему ближнему. Люди, механически, по обычаю лишь, не сознательно постящиеся обманывают не только самих себя, но и Господа. Как сказал святитель Игнатий (Брянчанинов): «...телесный подвиг, без любви и сердца сокрушенного, есть кимвал, звяцающий тщеславием, и медь, звенящая от пустоты своей». Благоговенно и причастно Великому посту всякое человеческое земное дело, открывающее и благоговенное Бога. Всякое слово, говорящее правду, всякое дело, являющее смирение, кротость, доброжелательство сердца человеческого.

Беседовал Владимир Муравьев

Сергей Иосифович Фудель

## Записки о Литургии и Церкви

Живое, глубокое и искреннее слово о Церкви Христовой, о вере и любви христианского мыслителя и подлинного проповедника наших дней, мирянина, так и не ставшего священником, но всю свою жизнь отдавшего служению Церкви.



«Мы ходим верою, а не видением». Ап. Павел.

Церковь — в том, что «Бог явился во плоти», в страдающем человеческом теле, Церковь — это вочеловечение Бога. Бог, не оставляя Своего Божественного естества, вошел в мир, в естество человеческое. С этого началось христианство в истории, и вся его суть — в подражании ему, этому выхождению Бога, но лишь в обратном направлении: Бог сходит с неба на землю, делается человеком; человек в христианстве выходит навстречу своему Богу — из своего человеческого, «слишком человеческого» естества выходит в мир Божественный.

Все христианство — в первоисточной сверхъестественности Боговоплощения. «Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево чистая, девствует бо рождество и живот предобручает смерть», — поет Церковь на Успение Девы и Матери (песнь 9 канона). «Побеждаются естества уставы» и в Евхаристии.

Первая часть литургии обыкновенно совершается вполголоса в алтаре. Она называется «проскомидия». Это приготовление к совершению Таинства и неразрывная часть его. Таинство совершается на пяти хлебцах, называемых просфорами, т.е. приношениями. Каждая из просфор имеет две половинки в знак того, что Христос есть одновременно и Бог и человек. Из пяти просфор священник берет одну и вырезает из нее четверугольную часть, произнося слова: «В воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа».

«Воспоминание» литургии не есть простое, человеческое, но божественное, непостижимое. «Сие творите в Мое воспоминание», — сказал Господь об этом Таинстве. Мы чувствуем, что здесь, в этом воспоминании, прошлое делается настоящим, что жертва Христова за мир готовится еще раз бескровно совершиться.

Все преобразование человека и мира причиной своей имеет только одно: страдания и смерть Христову. Вот почему апостол Павел, говоря о литургии, пишет: «всякий раз, когда

вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. 11:26).

Это совершилось когда-то в мире, единожды и неповторимо, «на месте, называемом Голгофа», но это совершается вновь и вновь — и теперь в храме — бескровно в образах, но непостижимо реально, так что человечество до конца своей истории только этим живо и действительно: смертью и воскресением Христа, только этим жертвенным воздухом литургии. На кресте было не призрачное, а истинно человеческое тело Бога, и именно благодаря тому, что оно было истинно человеческим, стали возможными и Церковь, и литургия.

Весь замысел Церкви — в единстве любви. Поэтому при основании ее Христос молился: «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21). И священник на проскомидии священнодействует в образах это единство Церкви с Богом.

Во образ единства Церкви, или ее соборности, священник совершает и другое священнодействие: вынимает частицы из отдельных четырех просфор во имя всех участников и небесной торжествующей и земной воинствующей Церкви, располагая эти частицы вокруг «Агнца» на дискосе. «Молясь Богородице, Ангелам и святым, мы признаем их за одно таинственное тело Церкви, к которому принадлежим и мы... Молясь об упокоении усопших... мы считаем и их за одно тело с нами... Вот плод веры Христовой: единение любви со всеми... Ибо все — едино тело, един дух, едина Церковь, Ангелов и человек» (прот. Иоанн Кронштадтский).

Главную часть литургии священник начинает торжественным возгласием: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков».

Вслед за возгласием о благословенном Царстве Божиим произносится «великая ектеня». «Миром Господу помолимся... «Миром» — это и в мире души, в ее безмятежии, в покое, и «миром-собором», т.е. едиными устами и единым сердцем с другими людьми.

«Великая ектеня... — пишет прот. Иоанн Кронштадтский, — есть премудрая ектеня, ектеня любви; в ней христиане, живущие и святые, представляются одним великим сочленением тела Иисуса Христа».

Второй возглас ектеня — опять моление о мире. «О свышнем мире и спасении душ наших» — это напомина-

ние, что все в нашей жизни: и всякий мир душевный, семейный, общественный, государственный — зависит от мира, сходящего с неба, от Божиего мира, который, по слову апостола, «превыше всякого ума» (Флп. 4:7).

Все совершаемое и с человеком, и с миром совершается по воле Божией, и он лучше нас знает, что нам нужно и что не нужно. Поэтому великая ектеня заканчивается преданием всего и всех в волю Божию: «Сами себя, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». «Тебе, Господи», — отвечает хор.

После великой ектеня поются так называемые «антифоны». Первый антифон — это 102-й псалом «Благослови, душе моя Господа... Господь на небеси уготова престол Свой, и царство Его всеми обладает...». Второй антифон — это псалом 145: «Хвали, душе моя, Господа, восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь». Оба псалма — это ветхозаветное раскрытие идеи Бога.

После этого поется «Единородный Сыне и Слове Божий». Все эти песнопения полны восхваления Бога, «творящего суд обидимым, дающего пищу алчущим». Но «Единородный Сыне» открывает нам, кроме того, великую истину веры, или «догмат» о том, что Христос, Сын Божий, есть не только истинный Бог, как «един сый Святыя Троицы», но и истинный человек, как «непреложно вочеловечивый от святыя Богородицы».

После этого хор поет Заповеди блаженства, записанные в 5-й главе Евангелия от Матфея. Девять новозаветных заповедей прибавили к десяти ветхозаветным то великое, что силу нравственного закона они распространили на внутренние движения души. «Вы слышали, — сказал Христос, — что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5:21, 22). Гнев Христос приравнял к убийству, а тайное вождение — к явному греху. На всю внутреннюю, потаенную жизнь души был брошен Им ослепительный свет, и все в этой жизни, даже самые сокровенные мысли и чувства, теперь должны выбирать между светом и тьмой: или идти в послушание Христу, или в рабство диаволу.

Но в заповедях Нового Завета есть еще одно великое отличие от ветхозаветных: они — заповеди блаженства, они даны как заповеди личного счастья,

# Записки о Литургии и Церкви

их исполнение не просто должно или необходимость, но условие великой радости, духовной радости, не аллегорической, не абстрактной, а совершенно реальной. Нищие духом, и плачущие, и кроткие, и милостивые действительно счастливы, неся в себе самих Христа, своего Учителя.

Во время пения заповедей блаженства открываются средние, так называемые «царские» двери (в честь «Царя славы» Господа) для совершения «малого входа»: священник и диакон с Евангелием в руках идут от престола через «северные», т.е. левые от лица народа, двери на амвон. Это знаменует и напоминает собою выход Христа на Его проповедь. «Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия» (Мк. 1:14). Свеча, несомая перед Евангелием, знаменует собою Иоанна Крестителя, который был и «предтечей» Господа, и «светильником света».

Этот выход Христа на проповедь осуществляется на литургии — уже не символически — через несколько минут после «малого входа» чтением Слова Божия — апостольских посланий и Евангелия.

«Иже херувимы тайно образующе, и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе...» — «Мы, таинственно изображающие херувимов, и воспевающие трисвятую песнь жизнь творящей Троице, оставим теперь всякое житейское попечение, чтобы поднять Царя всех, носимого невидимо на копьях чинами ангельскими. Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя». Начиная с этих слов совершается в храме «литургия верных».

Все Слово Божие и все учение Церкви полно призывами к святости или раскрытием ее, а мы в течение столетий приучались к тому, что «святые» — это только на иконах, а в нашей жизни их не бывает и что все призывы к святости — это только аллегория. И святость действительно стала уходить в аллегория из жизни, не желая ее реальности, и земля Церкви стала сохнуть, тоскуя о дожде благодати. Когда придет Сын Человеческий, найдет ли Он веру на земле? (ср.: Лк. 18:8).

Для святых святость не есть совершенство и тем более не осознание себя в нем, а только постоянная устремленность к нему, вернее говоря, к Богу, в покаянии и любви. Устремляясь к Богу, человек пребывает в благодати.

Все благое в нас — от благодати, и все добрые дела совершаются только через нее и благодаря ей. Но человек

должен возжелать исполнения заповедей и предначать это исполнение всей волей, т.е. вложить весь свой труд и усердие, а Господь, видя эту его волю, волю к Нему, тут же посылает помощь благодати, которая и совершает дело. Наша попытка, наше страдание или усилие совершить дело есть подвиг. Подвиг поэтому есть наше усилие поднять совершенно непосильную для нас тяжесть. Поднимает же ее благодать — помощь Божия. Без благодати ничего не совершится, но ее не даст Господь, если не увидит нашего старания, или подвига нашей любви, нашей воли.

В промежутке между первой и второй частью Херувимской священнослужители берут приготовленные во время проскомидии на жертвеннике Святые Дары и переносят их на престол. Это [священнодействии] именуется «Великим входом» и знаменует восхождение Иисуса Христа во Иерусалим. Переносятся Дары через амвон, чтобы вся Церковь участвовала в этих проходах Господа на Голгофу. Восходящего на смерть Господа священнослужители призывают «помянуть» в Царстве Его всю земную Его Церковь: и епископство православное, «вас, и всех православных христиан, да помянет Господь Бог во Царствии Своем...».

Через покой и свет Херувимской песни уже видна Голгофа и Христа, и Его Церкви. Так было и в земном странствии Господа. Было Его Преображение на горе Фавор — обнаружение Его божественной силы и славы, чтобы ученики Его, помня об этом на Голгофе, знали, что она, Голгофа, следствие не бесилия Его, а свободы и любви, что страдания Его — вольные.

Во время следующей затем просительной ектении священник молится: «Господи Боже Вседержителю... прими... моление... о наших гресех и о людских неведениях и сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей и вселитися духу благодати Твоея благому в нас, и на предлежащих дарех сих, и на всех людех Твоих».

Окончив ектению, диакон говорит: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы...», а хор, заканчивая фразу, поет: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единую и нераздельную».

Мы должны возлюбить для того, чтобы единомысленно исповедовать веру. «Все труды и подвиги, которые начала и конца своего не имеют в любви с духом сокрушенным, тщетны и бесполезны», — пишет преп. Симеон Новый Богослов.

После «Верую» начинается завершительная часть литургического священнодействия, а потому диакон предупреждает: «Станем добре, станем со страхом, вондем, святое возношение в мире приносим».

Мы все получаем через благодать распятого Христа, открывшего нам тайну Святой Троицы. И следующий возглас об этом: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами». «Горе имеим сердца».

«Горе сердца» — это последний призыв к богообщению, к его страшной и неизреченной реальности. «Сей хлеб да будет для тебя и пищею, и усаждением, ненасытими и неистощимыми. Вино же, которое в сем Таинстве воистину есть Кровь Божия, да будет для тебя светом неизреченным, сладостью несказанною, радованием вечным» (преп. Симеон Новый Богослов).

«Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще». «Свят, свят, свят Господь Саваоф...» — отвечает хор. «Саваоф» — это Господь небесных воинств. Трижды произносится это слово «свят», а священник во время пения хора читает молитву: «С сими и мы блаженными силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: свят еси и пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святыи. Свят еси и пресвят, и великолепа слава Твоя, Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единородного дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный. Иже пришед, и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предашеся, паче же Сам Себе предашеся за мирский живот, прием хлеб во Святыя Своя и пречистыя и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек...». И дальше священник говорит громко: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». И, указывая на чашу: «Пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многа изливаемая во оставление грехов». Пейте от нее все — вот призыв Божий к людям.

Бог дает человеку все, а ищет от него только любви и покаяния. «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся». Твои нам дары, Господи, хлеб и вино, мы возносим сейчас к Тебе, чтобы Ты преложил их в Тело Твое и Кровь, отдаваемые за всех и за вся. «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш», — поет хор.

«Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся», — молится священнослужитель в алтаре, молится весь храм и преклоняется до земли, так как именно во время пения «Тебе поем», после особой молитвы священника над хлебом и вином, осуществляется великое Таинство пресуществления их в Тело и Кровь Христовы.

«Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии». Она — вершина человеческой святости, и, помянув всех святых, от века послуживших Богу, священник заканчивает свое таинственное воспоминание (моление, благодарение — невозможно точно определить эту «словесную службу») именем Девы и Матери. А после этого он переходит от торжествующей Церкви к Церкви воинствующей и ко всему миру.

В эти минуты моления Церкви о всех, во время пения «Достойно есть яко воистину...», и каждый из нас должен причитывать себя молиться тоже за всех, начиная от своих близких, живых и умерших, любящих и не любящих нас. «Когда молишься, — пишет преп. Иоанн Кронштадтский, и пишет не для подвижников, а для мирян, для нас, — старайся молиться больше за всех, чем за себя одного... молись за всех так, как молишься за себя, — с такою же искренностью и теплотою...».

«И даждь нам, — возглашает священник, — единем усты и едином сердцем славить и воспевать пречестное и великопое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа...». Этим молением о единстве в вере и любви и заканчивается так называемый евхаристический канон — духовный центр литургии («Анафора»).

Господь Дух Святой освятил Дары, но мы, может быть, все еще внутренне противимся своему преобразению, все еще не постигаем, где мы находимся. Необходимо моление, чтобы «Човеколюбче Бог наш, приеми я во святыи и пренебесныи, и мысленный Свой Жертвенник... вознисполет нам Божественную благодать и дар Святаго Духа» — такие слова мы слышим в начале ектении, которая возглашается перед «Отче наш».

«Святая — святым», — возглашает священник. И народ отвечает: «Един свят, един Господь Иисус Христос». «Святая, — пишет преп. Симеон Новый Богослов, — преподаются святым, как говорят и проповедуют это

каждодневно всем иереи, взывая велиим гласом... Итак, что же? Кто не свят, то уже и недостойн? Нет, не так. Но кто не исповедует сокровенностей своего сердца, кто не показывает достойного покаяния в этом и в том, в чем согрешал в неведении, кто не бывает всегда в слезах и печали и не подымлет... подвигов... вот кто недостойн». Недостойн причастия только тот, кто не хочет идти за Христом узким путем покаяния и любви. Только в покаянии и любви можно во внезапной тишине сердца шептать за священником, вынесшим чашу, эти слова: «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими. Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

«Да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Тайн, Господи, но во исцеление души и тела» — с этими словами и со скрещенными на груди руками подходят люди к чаше: в искренности ощущения этих слов и есть «готовность встретить».

После причащения всех чаша относится в алтарь, на престол, и к нам оттуда доносятся теплые пасхальные песнопения, читаемые священником: «Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу...»; «Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия... Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о возстании Рождества Твоего; «О, Пасха велия и священнейшая Христе! О, мудросте и Слове Божий, и сило! Подавай нам истее Тебе причащаться, в не вечернем дни Царствия Твоего». И среди благовеста этих пасхальных слов священник опускает в чашу, т.е. в Святую Кровь, частицы, вынутые из просфора за живых и умерших, со словами: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих». Вынутые частицы — это люди, имена которых произносились при вынимании этих частиц, и они погружаются в Божественную Кровь, в нетленную жизнь Христову. Это «Пасха нетления» и «пир веры».

«Всегда, и ныне и присно и во веки веков...» — возглашает священник в царских дверях, высоко подняв чашу перед народом и унося ее на жертвенник. «И се, аз с вами есмь во вся дни до скончания века», — сказал Господь перед своим Вознесением (Мф. 28:20). Он с нами в Церкви Тела Своего. Кончается литургия, но никогда не кончается ее таинство.

Текст приводится в сокращении.

